

УДК 811.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-26

Д. Ф. ГУСЕЙНОВА,
*преподаватель кафедры английского языка
естественных факультетов
Бакинского государственного университета (Азербайджан)*

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДИСКУРСАХ «ВОПРОС – ОТВЕТ»

Дискурсы «вопрос – ответ» выявляются в процессе реализации диалогической и монологической речи. Чаще всего в коммуникации, происходящей в форме диалога, один из участников, или дикторов, обращается к другому с вопросительным предложением, второй же диктор отвечает на этот вопрос. Употребление вопросительных предложений в значении просьбы, требования, приказа и т. д. достаточно широко исследовалось в лингвистике. В последнее время в теории речевых актов вопросительные предложения представляются как косвенные речевые акты. В азербайджанском языкознании исследование вопросительных предложений в свете теории речевых актов, можно сказать, не проводилось. Вопросительные предложения в азербайджанском языке исследовались на основе фактического материала и теоретических положений традиционной

грамматики, однако их семантике, способам и средствам выражения (просьба, приказ и т. д.; замена вопросительного значения императивным), коммуникативным функциям должного внимания не уделялось. Значения, выражаемые вопросительными предложениями, коммуникативное удивление, недоумение задающего вопрос, соответствующая реакция отвечающего на задаваемый вопрос, проявление речевых актов в разных аспектах требуют разъяснения речевых актов, их содержательных особенностей в дискуссиях по проблеме «вопрос – ответ».

Ключевые слова: дискурс, вопрос – ответ, речевой акт, монологическая речь, диалогическая речь, азербайджанское языкознание.

Дискурсы «питання – відповідь» виявляються в процесі реалізації діалогічного та монологічного мовлення. Найчастіше в комунікації, що відбувається у формі діалогу, коли один з учасників, або дикторів, звертається до іншого із питальним реченням, другий диктор відповідає на це питання. Дослідження потенційних можливостей мовленнєвих актів у формі питального речення в контексті численних запитань – відповідей і з урахуванням міжособистісних і соціальних стосунків комунікантів є актуальним в сучасній лінгвістиці. Вживання питальних речень у значенні прохання, вимоги, наказу тощо досить широко досліджувалося у мовознавстві. Останнім часом в теорії мовленнєвих актів питальні речення постають як непрямі мовленнєві акти. В азербайджанському мовознавстві дослідження питальних речень у контексті теорії мовленнєвих актів майже не відбувалося. Питальні речення в азербайджанській мові досліджувалися на основі фактичного матеріалу і теоретичних положень традиційних граматик, проте, їх семантиці, засобам вираження (прохання, наказ тощо; заміна питального значення імперативним), комунікативним функціям належної уваги не приділялося. Значення, що виражаються питальними реченнями, комунікативне здивування, подив того, хто ставить питання, відповідна реакція того, хто відповідає на питання, проявлення мовленнєвих актів у різних аспектах потребують роз'яснення мовленнєвих актів, їх змістових особливостей в дискусіях з проблемою «запитання – відповідь». Як у прямих, так і непрямих мовленнєвих актах комунікативна ситуація, комунікативний намір, фонові знання, пресупозиція виявляють різноманітні форми основних та прихованих значень питальних речень. Тут знаходить своє підтвердження думка про те, що питальні речення виражають не тільки прохання, вимогу, але й спонування.

Ключові слова: дискурс, запитання – відповідь, мовленнєвий акт, монологічне мовлення, діалогічне мовлення, азербайджанське мовознавство.

Прагмалингвистика, или лингвистическая прагматика – филологическая дисциплина, изучающая отношения между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве. Коммуникативно-прагматическая реальность, или ситуация включает речевое взаимовлияние коммуникантов, место и пространство его воздействия, цель общения. Взаимовлияние адресанта и адресата наиболее ярко проявляется в диалогической речи.

Диалогическая речь в форме вопроса – ответа позволяет судить о коммуникативном намерении говорящего и реакции отвечающего (понимание или непонимание намерения). В этом случае исследователь, зная вопрос и ответ на него, получает возможность разъяснить ситуацию, ссылаясь на конкретный пример. С учётом вышесказанного в статье анализируются контексты вопросов-ответов, выбранные из художественного текста – романа народного писателя Азербайджана Исмаила Шихлы (1986–1991) «Буйная Кура» (1967) (перевод на русский язык Б. Солоухина (1976) [7]. Основная цель исследования – разъяснение значений, выражаемых вопросительными предложениями, адресованными конкретному адресату, характер восприятия адресатом коммуникативного намерения говорящего, и на основе этой формы – его ответа, а также прямого или косвенного ответа на заданный вопрос, его возможной реакции.

Исследования, посвященные вопросительным предложениям, раскрыты в традиционном языкознании в плане содержания [1; 2; 9]. Известно, что вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительные предложения информируют о том, что хочет узнать говорящий. Традиционная грамматика либо берет за основу реализацию ответа, вербализующегося языковыми средствами в виде предложения или высказывания, либо вовсе не затрагивает данную проблему. Однако конкретные языковые материалы процесса коммуникации, а также исследования, связанные с вербальными и невербальными реакциями отвечающего в различных коммуникативных ситуациях, подтверждают тот факт, что предложение, высказывание или же другие речевые конструкции вовсе не являются ответами на вопросительные предложения. Ответ может проявляться в виде действий адресата невербальными средствами выражения. Это обычно наблюдается в тех случаях, когда вопросительное предложение содержит просьбу, желание, приказ, побуждение и т.д.

Данная проблема была выдвинута еще в 70-е годы прошлого столетия в научных трудах Д. Гордона и Дж. Лакоффа, которые были первыми исследователями данного явления [3]. Позже Дж. Серль [10], Р. Конрад [5] и др. рассматривали эту проблему в различных аспектах [6; 8; 9]. Д. Гордон и Дж. Лакофф в статье, посвященной постулатам речевого общения, указывают, что «существуют определённые правила – постулаты речевого общения, которые определяют, какое значение фактически выражается высказыванием, на основе буквального содержания высказывания и контекста, в котором оно делается» [3]. Они различают пути формализации принципов речевого общения, включая их в концептуальный аппарат порождающей семантики, а также первичное, или буквальное, значение (т. е. логическую структуру некоторого предложения) и коммуникативно имплицированное, или фактически выражаемое значение. Здесь вводится понятие разговорной импликации, связывающее класс контекстов и класс постулатов.

Анализ использования конверсационных постулатов в основном проводится на материале просьб с учётом условий искренности и мотивированности [3, с. 280–282].

Об этом свидетельствуют и новейшие зарубежные лингвистические исследования [10–14; 16–22].

Н.И. Жинкин, рассматривая проблему вопроса и вопросительных предложений, пишет, что «к признакам вопросительного предложения обычно относят наличие в нем: специальных слов (частиц, союзов), определенного словорасположения и особенно специфической интонации. Под вопросом разумеют один из видов цели общения, а именно: побуждение собеседника ответить на обращенную к нему речь».

Если принять эти определения, тогда окажется, что значительная группа вопросительных предложений не содержат в себе значения вопроса» [4, с. 23].

По мнению Дж. Сёрля, минимальной единицей языкового общения является иллокутивный акт - производство конкретного предложения в определённых условиях. Говорящий пытается произвести определённое иллокутивное воздействие [15, с. 157–158]. Р. Конрад, касаясь проблемы косвенных речевых актов, отмечает: «Под косвенными речевыми актами имеются в виду потенциальные, то есть, собственно говоря, пропущенные, воображаемые, а не реальные речевые акты. Оказывается, что во многих случаях, вероятно, происходит своеобразная интерпретация, а именно тогда, когда говорят, что с помощью определённого вопросительного предложения выражается «косвенная просьба» [5, с. 357–368]. В механизме просьбы, требования и побуждения ведущим является прямое выражение говорящим своего коммуникативного намерения. Когда говорящий побуждает адресата к чему-то, статус его поведения должен ему позволить это. В противном случае в отношении адресат-адресант может возникнуть конфликтная ситуация. В этой связи мысль Р. Конрада о том, что поведенческий фактор играет своеобразную роль в реализации вопросительных предложений как косвенных речевых актов вполне оправдывает себя.

А. Вежбицка, исследуя речевые акты, выделяет в составе вопроса главный компонент: «Я полагаю, что главный компонент вопроса выражает «желание» знать, а не желание повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемыми медиативными вопросами» [2, с. 260].

В действительности здесь возникает и проблема семантической типологии вопросов. В целом типы вопросов и вопросительных предложений должны классифицироваться по разным критериям. В таких классификациях, несомненно, особое место должна занимать и группа косвенных вопросов. В теории речевых актов используется и понятие «вопросительные речевые акты».

Однако это не даёт основание дифференцировать данные вопросы как отдельный речевой акт, т. к. вопросительные предложения по своему содержанию не могут быть выделены в одну группу. Есть такие вопросительные предложения, которые непосредственно выключаются в группу речевых актов, или экспрессивов. Косвенные вопросы, выражающие просьбу, желание, требование, приказ и т.д., отличаются спецификой в системе вопросительных предложений. Эта проблема в то же время создаёт почву для более широкого изучения вопросительных предложений в семантическом аспекте. Подход к проблеме в свете теории речевых актов приобретает значимость для разъяснения вопросительных предложений. Семантическая сфера, совокупность значений и общее содержание вопросительных предложений часто изучаются сквозь призму ответов на вопросы.

Содержательные особенности вопросительных предложений.

На содержание вопросительных предложений влияет ряд факторов, среди которых особое место занимают прагматические факторы. Считается, что если вопросительное предложение построено правильно, то ответом на него должно быть «да» или «нет». Такие предложения называются предложениями с общим вопросом, например:

- Sabah şəhərə gedəcəksən? – Hə
- Ты завтра едешь в город? Да;
- O bizə gəlmişdir? – Hə
- Он приходил к нам? – Да;
- Qarıda dayanan Əhməddir? – Bəli
- В дверях стоит Ахмед? – Да. [7, с.80].
- Qaqam gedib.
- Haraya gedib?
- Kürün qırağına.
- Bə burada nəyə durmuşuq? Gedək.
- Yazıqdi... qoy qız yatsın.

- Ay qız, deyəsən bizi bəxtəvərliyə salacaqsan, yatmaq nədi.
- Иди, разбуди молодых, хватит им спать.
- Брата нет.
- А куда он ушел?
- На берег Куры.
- Ах, вот как?.. Тогда чего же мы здесь стоим, пойдем к ней.
- Жалко. Пускай она поспит.
- С чего это ей так долго спать?..

В данном диалоге вопрос ускоряется вторым диктором. До этого в реплике первого участника отмечается наличие III лица. В вопросе второго диктора спрашивается о том, куда он ушел. В таком акте место, на которое переходит субъект, – объект вопроса. В предложении, заключающем общий вопрос, вопрос опирается на состояние и действие. Уточняется истинность или ложность информации. Следовательно, ответ на общий вопрос требует подтверждения или отрицания. В повествовательном предложении «*Qağam gedib*» – «Мой брат ушёл» содержится информация о том, что субъект покинул данное место. Реакция участника диалога на данную информацию имеет целью уточнение места, куда ушёл субъект.

Субъект может отправиться в город, деревню, магазин и т. д. Говорящий хочет уточнить конкретное место из множества различных мест. Здесь требуется расширение простого предложения наречием места. На вопрос даётся ответ «*Kür qırağına*» – «На берег Куры». Если дополнить ответ на уровне предложения, то получится предложение «*Kür qırağına gedib*» – «Он пошёл на берег Куры».

Исследование семантики вопросительного предложения в широком смысле подразумевает выделение контекста «вопрос-ответ».

В настоящей статье контекст «вопрос-ответ» передается в виде фрагмента текста, содержащего вопрос и ответ на него. Иногда такой контекст достаточен для анализа. В таких случаях необходимо рассмотрение контекста, расширенного частью, предшествующей вопросу.

С этой целью было проанализировано предложение первого участника диалога «*Qağam gedib*» – «Мой брат ушёл». Если оставить в стороне эту информацию, то в первом вопросительном предложении диалога возникает недостаток информации. Из предложения «*Naraya gedib*» – «Куда он ушёл?» не ясно, о ком идет речь и куда конкретно ушел данный человек.

Хотя вопрос в последнем предложении диалога адресован другому участнику, можно сказать, что он не требует ответа. Здесь использованы принятая в азербайджанском языке готовая модель и фразеологизм «*bəxtəvərliyə salmaq*» «осчастливить», модальное слово *deyəsən* «кажется» и тем самым выражено отношение говорящего к спящей девушке.

Если взять отдельно вопрос «Какой сон?», то он, естественно, имеет ответ. Скажем, адресат в ответе на этот вопрос может объяснить, каким бывает сон. Однако в тексте это вопросительное предложение является косвенным речевым актом.

Если невеста после брачной ночи встаёт поздно, то это считается неправильным поведением. В действительности, если вопрос адресован невесте, то она, вместо оценки поведения и соответствующего ответа на заданный вопрос, должна немедленно вскочить с постели. В этом смысле вопрос «*yatmaq nədir?*» «какой сон?» означает: спать нельзя, новобрачной не положено так долго спать; новобрачная должна с утра пораньше встать.

Поскольку вопрос адресован сестре парня, её реакция на косвенный вопрос совсем другая. Коммуникативное намерение задающего вопрос ясно и сестре. Вместе с тем, на его реакцию воздействуют экстралингвистические факторы, исходящие из конкретной ситуации и традиционных норм поведения. Это можно увидеть в последующих частях диалогической речи:

- Нехорошо нам самим заходить, подождем Шамхала.
- Э, кто такой Шамхал! – Новый приступ смеха заколыхал тетю [7, с. 59].

Первый из вышеуказанных экстралингвистических факторов: говорящий не хочет, чтобы девушка отдохала; другой же фактор связан с её отношениями с братом. Второй участник диалогической речи правильно понимает значение речевых актов первого участника, осознает наибольшую силу воздействия одного из факторов и по этой причине его очередной вопрос выражает отношение говорящего в данной ситуации: Вопрос «Э, кто такой Шамхал?» также является косвенным речевым актом. Направленность непосредственно на первоначальное значение вопроса или же прямой ответ говорящего на него вполне себя оправдывает. Ясно, что в вопросе «Э, кто такой Шамхал?» используемом в языке, ни с грамматической, ни с семантической точки зрения никаких нарушений нормы нет. Однако при подходе к проблеме с точки зрения конситуации процесса коммуникации очевидно, что она носит метафорический характер. Дело в том, что одна из участников диалога – сестра брата, другая – тетя по отцу (сестра отца). Принимая во внимание этнокультурологический фактор, азербайджанские обычаи и традиции, можно утверждать, что в данном случае сестра не может разбудить жену своего брата тогда, когда ей захочется. Сестра за это своё действие боится реакции своего брата. Однако согласно традиционным правилам поведения, статус *биби* (сестра отца) превышает статуса самого брата. Поэтому косвенный вопрос биби «Э, кто такой Шамхал?» означает: «Твой брат рядом со мной никто – «Твой брат не посмеет перечить мне»; «Пусть твой брат идёт и занимается своими делами».

В диалоге от адресата требуется не ответ на вопрос, а ответная реакция. Если биби будит жену своего племянника, то её племянница должно молча стоять. Она не смеет перечить или препятствовать своей тёте.

Р. Конрад обратил внимание на то, что для выражения косвенной просьбы «недостаточно просто построить вопросительное предложение, с определенным пропозициональным содержанием, поскольку осмысление в качестве косвенной просьбы возникает тогда, когда речевая ситуация «сама по себе становится ситуацией просьбы». То есть он указывает на, возможно, решающую в процессе коммуникации роль ситуации. Применительно к вопросительному предложению это означает, что его основная функция – «выражение вопроса» и, следовательно, вопросительное предложение «в том случае употребляется в соответствии со своей функцией, если оно употребляется в ситуации вопроса». Вопрос в транспорте типа «Вы сейчас выходите?» трактуется Р. Конрадом, как косвенное побуждение дать возможность пройти, хотя он может быть и чисто информационным вопросом. Особенностью данного вопроса является отсутствие структурной общности между пропозициональной частью вопросительного предложения и пропозициональным содержанием подразумеваемого императивного предложения [5, с. 363–364].

Для адресата неважно, выходит на следующей остановке стоящий перед ним пассажир или нет. Ему необходимо пройти к выходу, стоящий же перед ним пассажир преграждает ему путь. Следовательно, структура косвенного вопроса не имеет значения для говорящего. В перспективе утвердительный ответ на косвенный речевой акт в виде вопроса удовлетворяет говорящего. Если стоящий перед ним пассажир выходит, то путь к выходу свободен и побуждение говорящего к действию становится необходимым условием.

Многие косвенные речевые акты, выражающие просьбу, требование, приобрели форму моделей этикета, употребляющихся в определённых ситуациях. Поэтому реакция на значения в глубинных структурах данных вопросов бывает мгновенной. В процессе обычного поведения неуместное использование таких косвенных речевых актов иногда не принято. Это нарушает правила и иногда служит причиной ответной реакции адресата на новый косвенный речевой акт. Рассмотрим следующую ситуацию: человек, обедающий за столом, игнорируя находящуюся перед ним солонку, обращается к другому человеку с вопросом: «Вы не могли бы передать мне солонку?» тем самым как бы нарушая нормы поведения, т.е. возникает вопрос: а почему он не пользуется находящейся перед ним солонкой?

Рассмотрим ситуацию в несколько иной форме: человек, обращающийся к другому с косвенным речевым актом, не замечает находящуюся перед ним солонку или

же знает, что она пуста. В этом случае возникновение косвенного речевого акта обусловлено двумя факторами. Первый фактор – экстралингвистический: находящаяся перед ним солонка пуста. Второй фактор: он не может дотянуться до другой солонки. Если говорящий видит находящуюся перед ним солонку, то это создаёт другое препятствие.

Скажем, человек, к которому обращаются с вопросом, видя перед говорящим солонку, отвечает вопросом на вопрос: «Ваша солонка пуста?» Ответ может быть в интонативной и краткой форме, например: «Пустая». Во время обмена такими речевыми актами первый говорящий, или же автор первого косвенного вопроса вынужден дать утвердительный ответ на заданный ему вопрос. Если он не заметил солонку, то он вынужден объяснить причину своего поведения, не извиняясь перед собеседником. В том случае, когда говорящий не заметил солонку, он вынужден размышлять о глубинном значении заданного ему вопроса. Когда другой человек ему говорит: «Разве ваша солонка пуста?» он более внимательно смотрит на стол.

Такой подход к рассматриваемой проблеме подтверждает важную роль конситуации в использовании косвенных речевых актов. Успешность процесса коммуникации требует чёткого понимания конситуации участниками коммуникации.

В вышеприведённом фрагменте из художественного текста попытка разбудить невестку (жену брата) может перерасти в конфликт и без косвенного вопроса «Э, кто такой Шамхал?». Салатын осознает высокий статус тётушки, однако она в какой-то степени проявляет непочтительность, говоря: «Жалко, пускай поспит», и это несколько выходит за рамки, допустимые нормами поведения. В художественной литературе наблюдаются такие переходные процессы (от речевого акта к речевому акту извинения). Рассмотрим другой пример:

- Naçalnik deyir ki, bizi o taya keçir.
- Naçalnik olanda nə olar, su ağız-ağıza qovuşmur?
- Bəs öz adamlarınızı niyə keçirdirsən?
- Kim deyir onu?
- Mən.
- Yalaңının atasına lənət.

Казачи тем временем подъехали и остановились рядом с лодкой. Офицер сперва посмотрел на лодку, на вздыбившуюся Куру, затем обратился к Годже:

- Перевези нас на тот берег.

Старик, ничего не поняв, пожал плечами. Тогда один из казаков выехал вперед и сказал по-азербайджански:

- Начальник просит перевезти нас на ту сторону.

Годжа улыбнулся:

- Пусть он начальник, но разве он не видит, как бурлит Кура.
- А почему перевозишь этих людей?
- Кто вам сказал, что я их перевожу? Проклятие тому, кто вам соврал, а также и его

отцу [7, с. 300].

В этом дискурсе вопросов-ответов, выбранном из художественного произведения, начальный речевой акт первого участника является императивным речевым актом.

В предложении «Начальник нас просит перевезти на ту сторону» подразумевается, что слово начальника – закон. Ответ же старика является косвенным речевым актом: – Пусть он начальник, но разве он не видит, как бурлит Кура?

Здесь в имплицитной форме выражается протест. Кроме того, словами «разве он не видит, как бурлит Кура?» старик выражает невозможность переправы на другой берег.

Рассмотрим другой диалог:

- В горы с кем поедешь, со мной или с матерью?
- Ни с кем.
- Как так?
- У меня есть дела.
- Будешь караулить землянки? Или сторожить огороды?
- Дело найдется.

– Нельзя ли все же узнать, что ты называешь делом, из-за которого остаешься в деревне?

– Почему нельзя? Мы займемся школой, и ты должен нам помочь.

– Кому это вам?

– Мне и Ахмеду. И всем, кто хочет учиться.

– Чем помочь, дитя мое?

– Есть ли в нашей деревне человек богаче тебя?

– Ты что хочешь сказать?

– Сколько у нас земли?

– Говори яснее, что тебе надо.

– Есть ли в нашей деревне люди, которые совсем не имеют земли?

– Я сказал – говори, что тебе надо? [7, с. 400].

В данном диалоге два участника: отец и сын. Тематически диалог можно разделить на две части: в первой части отец с сыном говорят о поездке в горы на летнее пастбище. Диалог проходит в контексте вопросов-ответов. Вопросы задаются конкретно и ответы на них даются в соответствующей форме. В этой части ведущие вопросы задает отец. В одном из ответов сын употребляет местоимение «нам» (Ты должен нам помочь) и это местоимение во множественном числе не меняет направление реакции отца на речевой акт. Здесь вопросительный речевой акт отца приводит к смене темы. Отец не дает никакой информации о том, будет он помогать или нет, т.к. он уточняет, кому именно надо помочь.

Во второй части диалога изменение темы происходит в результате обновления визуальной ситуации в процессе коммуникации. Сын смотрит в сторону Куры, видит их земельные угодья и вспоминает о бедных, неимущих односельчанах, у которых нет ни клочка земли. И тут он задает вопрос отцу, и участники диалога меняются местами. Теперь сын занимает ведущую позицию в диалоге. В то же время вопрос сына содержит подтекст, и в данном случае реализуется косвенный речевой акт.

Прямой ответ на вопрос ясен и отцу, и сыну. Отцу трудно определить коммуникативное намерение сына в постановке вопроса, и для того, чтобы узнать это намерение, он отвечает вопросом на вопрос:

– Ты что хочешь сказать?

Однако сын не дает прямого ответа на этот вопрос и вновь озвучивает косвенный вопросительный речевой акт: «Сколько у нас земли?».

Этот вопрос несколько отличается от предыдущего. Сын может и не знать о том, сколько у них гектаров земли. Однако отец понимает, что сына не интересует количество земли: его коммуникативное намерение тождественно его предыдущим вопросам. Ответ отца опять направлен на уяснение коммуникативного намерения сына. Очередная реплика сына построена в форме вопросительного предложения, и он вновь скрывает своё коммуникативное намерение.

Ответ отца «Я сказал – говори, что тебе надо?» показывает, что его терпение иссякло. Статусное неравенство во взаимоотношениях отца и сына не позволяет сыну перейти к сути и открыто выразить свое коммуникативное намерение.

Как в прямых, так и в косвенных речевых актах коммуникативная ситуация, коммуникативное намерение, фоновые знания, пресуппозиция выявляют различные формы основных и скрытых значений вопросительных предложений. Здесь находит своё подтверждение мысль о том, что вопросительные предложения выражают не только просьбу, требование, но и побуждение.

Таким образом, исследование потенциальных возможностей речевых актов в форме вопросительного предложения в контексте многочисленных вопросов-ответов с учётом межличностных и социальных отношений коммуникантов весьма актуально.

Список использованной литературы

1. Белютина Ю.А. Прагматические и социолингвистические детерминанты нарушений в коммуникативном акте извинения / Ю.А. Балютина // Культура как текст. – М.: ИЯ РАН; Смоленск СГУ, 2007. – Вып VII. – С. 144–148.

2. Вежбица А. Речевые акты / А. Вежбица // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–276.
3. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Д. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 276–302.
4. Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 22–34.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 349–383.
6. Туфанова Ю.В. Лингвистическая вежливость как способ сохранения баланса интересов коммуникантов в речевой ситуации извинения / Ю.В. Туфанова // Вестник Башкирского государственного университета. Серия: Романо-германская филология. – 2010. – Вып. 11. – С. 102–106.
7. Шихлы И. Кура неукротимая / И. Шихлы ; пер. с азербайджанского Б. Солоухина. – М.: Художественная литература, 1976. – 420 с.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр ; перевод с немецкого Е. Араповой. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
9. Brown P. Speech / P. Brown. – Cambridge: Cambridge university Press, 1979. – P. 33–62.
10. Kang L., Do cognitive and affective expressions matter in purchase conversion? A live chat perspective / L. Kang, Ch.-H. Tan, J.L. Zhao // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2020. – Vol. 71. – Issue 4. – P. 436–449. DOI: 10.1002/asi.24254.
11. Ajabshir Z.F. The Effect of Teachers' Scaffolding and Peers' Collaborative Dialogue on Speech Act Production in Symmetrical and Asymmetrical Groups / Z.F. Ajabshir, F. Panahifar // Iranian Journal of Language Teaching Research. – 2020. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 45–61.
12. Cousens Ch. Are ableist insults secretly slurs? / Ch. Cousens // Language Sciences. – 2020. – Vol. 77. – Article no. 101252. DOI: 10.1016/j.langsci.2019.101252.
13. Franco P.L. Speech Act Theory and the Multiple Aims of Science / P.L. Franco // Philosophy of Science. – 2019. – Vol. 86. – Issue 5. – P. 1005–1015. DOI: 10.1086/705452.
14. Johnson-Laird P.N. Possibilities as the foundation of reasoning / P.N. Johnson-Laird, M. Ragni // Cognition. – 2019. – Vol. 193. – Article no. 103950. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.04.019.
15. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. Searle. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
16. Evans N. Nen assentives and the phenomenon of dialogic parallelisms / N. Evans // Practical Theories and Empirical Practice: A Linguistic Perspective. – 2012. – Vol. 40. – P. 159–183.
17. Gallo C.M. Building Discursive Identity: The Case of Question-Answer-Follow up System in Two Interviews / C.M. Gallo // Revue Roumaine de Linguistique – Romanian Review of Linguistics. – 2016. – Vol. 61. – Issue 3. – P. 265–284.
18. Wood A. Detecting Speech Act Types in Developer Question/Answer Conversations during Bug Repair / A. Wood, P. Rodeghero, A. Armaly, C. McMillan // Esec/Fse'18: Proceedings of the 2018 26th ACM Joint Meeting on European Software Engineering Conference and Symposium on the Foundations of Software Engineering. – New York: Assoc Computing Machinery, 2018. – P. 491–502. DOI: 10.1145/3236024.3236031.
19. Santana K.C. The ironic impoliteness speech act on digital social network Facebook / K.C. Santana // Soletas. – 2020. – Issue 39. – P. 50–77.
20. Abdel-Raheem A. How to do things with images: the editor, the cartoonist, and the reader / A. Abdel-Raheem // Intercultural Pragmatics. – 2020. – Vol. 17. – Issue 1. – P. 77–108. DOI: 10.1515/ip-2020-0004.
21. Ridao Rodrigo S. Expressive speech acts in the social network Facebook / S. Ridao Rodrigo // Onomazein. – 2020. – Issue 47. – P. 225–239. DOI: 10.7764/onomazein.47.10.
22. Corredor C. Deliberative speech acts: An interactional approach / C. Corredor // Language & Communication. – Vol. 71. – P. 136–148. DOI: 10.1016/j.langcom.2020.01.005.